

Глава 1

*Гэмпшир, Англия
Август 1875 года*

— Черт подери, ну почему мне так не везет! — мрачно пробурчал Девон Рейвенел. — Моя жизнь испорчена, а все из-за того, что кузен, который мне никогда не нравился, упал с лошади.

— Вообще-то Тео не совсем упал, — уточнил его младший брат Уэстон. — Лошадь его сбросила.

— По-видимому, она его так же не переносила, как и я, — ответил Девон, нетерпеливо расхаживая взад-вперед по приемной. — С удовольствием сломал бы Тео шею, если бы он уже сам этого не сделал.

Уэстон покосился на брата со смесью насмешки и возмущения.

— Как ты можешь жаловаться? Ты только что унаследовал графский титул и в придачу поместье в Гэмпшире, земли в Норфолке, дом в Лондоне и...

— И все прочее, закрепленное за титулом. Прости, что меня не радует получение земли и домов, которыми я никогда не буду владеть и которые я не могу продать.

— Возможно, тебе удастся разбить майорат: надо посмотреть, как прописаны условия. Если так, то ты сможешь все продать, и дело с концом.

— Дай-то Бог. — Девон с отвращением посмотрел на плесень, выросшую в углу комнаты. — Этот дом — просто руины. Нельзя же всерьез рассчитывать, что я буду здесь жить.

Оба они впервые переступили порог Эверсби — переходящего по наследству семейного владения, построенного когда-то на развалинах монастыря и принадлежавшей ему церкви. С тех пор как Девон вскоре после смерти его кузена унаследовал титул, прошло три месяца, но он, как мог, оттягивал момент, когда придется столкнуться с горой проблем. И вот этот момент настал. Пока что он успел увидеть только эту комнату и вестибюль — два помещения, предназначенных производить наибольшее впечатление на гостей. Ковры были истерты до дыр, обивка мебели обрвалась, гипсовая лепнина на стенах потрескалась и покрылась слоем пыли. Все это не давало повода надеяться, что остальная часть дома будет в лучшем состоянии.

— Да, нужен ремонт, — согласился Уэстон.

— Этот дом не ремонтировать нужно, а снести до основания.

— Ну, все не настолько пло... — не договорив, Уэстон вскрикнул, потому что его ступня застряла в ямке на ковре, и отскочил в сторону, уставившись на вмятину в форме миски. — Черт побери, что это?

Девон нагнулся, приподнял угол ковра и под ним обнаружил дыру в прогнившем полу. Покачав головой, он вернул ковер на место и отошел к окну с фигурным переплетом. Металл, соединявший ромбовидные стекла, был изъеден коррозией, петли и задвижки заржавели.

— Похоже его раньше не ремонтировали, — заметил Уэстон. — Почему, интересно?

— Очевидно, денег не хватало.

— Как это может быть? Поместье включает двадцать тысяч акров земли. Как же арендаторы, ежегодные платежи?

— Фермерство в поместье больше не приносит прибыли.

— В Гэмпшире?

Бросив на брата мрачный взгляд, Девон снова стал смотреть в окно.

— Нигде.

Сельский пейзаж Гэмпшира выглядел идиллически: зеленые поля, аккуратно разделенные живыми изгородями, — но дальше, за группками веселых коттеджей с соломенными крышами и полосами плодородной земли, меловыми холмами и древними лесами, уже прокладывали тысячи миль стальных путей, по которым пойдут в наступление локомотивы с вагонами. По всей Англии новые фабрики и фабричные городки появлялись быстрее, чем ореховые сережки по весне. По своему невезению Девон унаследовал титул именно тогда, когда волна растущей промышленности сметала прочь аристократические традиции и соответствующий титулу образ жизни.

— Откуда ты знаешь? — спросил брат.

— Уэстон, это все знают. Цены на зерно упали. Когда ты последний раз читал «Таймс»? Ты что, не прислушиваешься к разговорам в клубе или в тавернах?

— Нет, если речь идет о фермерстве, — уныло вздохнул Уэстон и тяжело опустился на стул, потирая виски. — Не нравится мне это. Кажется, мы договорились никогда ни к чему не относиться серьезно.

— Я пытаюсь. Но, знаешь ли, смерть и бедность имеют свойство делать все вокруг менее забавным. — Девон прислонился лбом к оконному стеклу. — До сей поры я жил в свое удовольствие, не утруждая себя ни единым днем труда, а теперь у меня появились обязанности. — Последнее слово он произнес как ругательство.

— Мы непременно придумаем что-нибудь. — Порывшись в карманах пальто, Уэстон достал из внутреннего кармана серебряную фляжку, отвинтил крышку и сделал большой глоток. — Найдем способ их игнорировать.

Девон вскинул брови.

— Не рановато ли? Этак к полудню ты будешь пьян в стельку.

— Да, оно и к лучшему.

Уэстон опять приложился к фляжке. Девон посмотрел на младшего брата с некоторой озабоченностью: привыч-

ка потакать своим слабостям начала уже сказываться на его облике. Уэстон в свои двадцать четыре года обладал живым умом, которым, впрочем, старался пользоваться как можно реже, был высок и весьма привлекателен, но злоупотребление крепкими напитками придало его лицу нездоровую рыхлость и отечность, талия начала оплывать. И хотя Девон старался не вмешиваться в дела брата, сейчас спрашивал себя, не стоит ли наконец указать ему на пагубное влияние пьянства и на внешний вид, и на способность соображать. Нет, непрощеный совет вызовет у Уэстона только негодование.

Убрав фляжку в карман, Уэстон сложил ладони перед собой и посмотрел на брата поверх кончиков пальцев.

— Выход есть: срочно обзавестись богатой женой.

Девон аж побледнел.

— Ты же знаешь: это не для меня. — От одной только мысли, что он может повторить историю собственного детства, только в роли жестокого и равнодушного родителя будет уже сам, у него мурашки бежали по коже. — Так что лучше ты об этом подумай, как следующий в роду.

— Ты это всерьез? — удивился Уэстон. — Да при всех моих пороках я и до сорока не доживу.

— У меня их не меньше.

— Да, но я предаюсь своим с куда бóльшим энтузиазмом.

У Девона невольно вырвался ироничный смешок. Кто бы мог предположить, что они, будучи представителями отдаленной ветви семьи Рейвенел, окажутся последними в роду, который вел свою историю со времен норманнского завоевания. К сожалению, Рейвенелы всегда отличались импульсивностью и горячим нравом, поддавались искушениям, готовы были совершить любой грех и презирали все добродетели до единой, в результате чего покидали этот мир быстрее, чем обзаводились потомством. Вот так и вышло, что от всей семьи остались только они двое.

Несмотря на благородное происхождение, ни Девон, ни Уэстон никогда не входили в сословие пэров. В эти круги сливок общества даже мелкие дворяне не могли проникнуть. Девон мало что знал об особых правилах и ритуалах, которые отличали аристократов от простых смертных, зато точно знал, что поместье Эверсби не подарок судьбы, а ловушка. Оно давно не приносило дохода, а вот поглотить весьма скромное ежегодное содержание Девона могло в два счета, а потом покончить с его братом.

— Пусть уж лучше наш род закончится, — сказал Девон. — Мы с тобой никудышные и всегда такими будем, и кому какое дело, если этот графский титул перестанет существовать?

— Ну, обитателям поместья и арендаторам вряд ли понравится, если они потеряют то небольшое, что имеют, — сухо заметил Уэстон.

— Ну и пусть повесятся. Я тебе вот что скажу: первым делом я избавлюсь от вдовы и сестер Тео — мне от них никакого проку.

— Девон... — попытался остановить брата Уэстон.

— Потом попытаюсь продать эту рухлядь хотя бы по частям, ну а если не получится, вывезу отсюда все мало-мальски ценное, сам сломаю дом и продам камень...

— Девон! — воскликнул Уэстон, указав на дверь.

На пороге стояла невысокая худенькая женщина в черном, с лицом, закрытым густой вуалью.

Вдова Тео, дочь лорда Карбери, ирландского пэра и владельца конного завода в Глендаррифе. В браке с Тео они состояли всего три дня. Должно быть, трагедия, случившаяся так скоро после столь радостного события, как свадьба стала для нее настоящим потрясением. Когда для братьев дошли скорбные вести, Девон подумал, что ему, как наследнику титула, следовало бы послать вдове письмо с соболезнованиями, но почему-то эта мысль так и не привела к реальному действию, а лишь засела у него в голове, как ворсинка, прилипшая к лацкану сюртука. Возможно,

Девон и смог бы заставить себя выполнить долг, если бы до глубины души не презирал кузена. Жизнь во многом была благосклонна к Тео, одарила его богатством, привлекательностью и привилегиями, но вместо того, чтобы быть благодарным судьбе, он воспринимал все как должное, с самодовольством и высокомерием. Поскольку Девон не желал игнорировать оскорбления или провокации с Тео, всякий раз, когда они встречались, дело кончалось дракой. Поэтому он даже не пытался убедить себя, что сожалеет.

Что касается вдовы Тео, то вряд ли ей нужно его сочувствие. Она молода, детей нет, а с вдовьей частью наследства запросто снова выйдет замуж. Говорили, что она красавица, но сам он судить об этом не мог — густая черная вуаль скрывала ее лицо, а многослойное вдовье одеяние — тело.

Девон и Уэстон поклонились, в ответ вдова сделала формальный реверанс и холодно проговорила:

— Добро пожаловать, милорд, мистер Рейвенел. Я постараюсь предоставить вам опись домашнего имущества как можно скорее, чтобы вы могли грабить и мародерствовать официально.

Ее ледяной голос с безупречным аристократическим акцентом был полон отвращения. Пока она пересекала гостиную, Девон настороженно наблюдал за ней. Слишком худая, на его вкус, этакая доска в траурном платье, но что-то в ее движениях притягивало взгляд: казалось, под этой сдержанностью скрывается взрывная сила.

— Примите мои соболезнования по поводу вашей потери, — произнес наконец Девон.

— А вы — мои поздравления в связи с приобретением. Девон нахмурился.

— Уверяю вас, я никогда не стремился к титулу вашего мужа.

— Это правда, — подтвердил Уэстон. — Он возмущался по этому поводу всю дорогу от Лондона.

Девон бросил на брата укоризненный взгляд.

— Симс, дворецкий, покажет вам дом и прилегающую территорию, когда вам будет угодно, — сказала вдова. — Поскольку, как вы заметили, от меня вам никакого проку, я пойду собирать вещи.

— Леди Тренир! — воскликнул Девон. — Кажется, наше знакомство началось не слишком удачно. Прошу прощения, если оскорбил вас.

— Можете не извиняться, милорд: ничего другого я от вас и не ожидала. — Не дав Девону времени возразить, она продолжила: — Могли ли я спросить, как долго вы намерены оставаться в Эверсби?

— Думаю, пару дней. Возможно, мы могли бы с вами обсудить за обедом...

— Боюсь, мы не сможем обедать вместе: как и я, сестры моего покойного мужа подавлены горем.

— Графиня...

Не проронив больше ни слова и не обращая ни на кого внимания, она вышла из комнаты, даже не удостоив их реверансом.

Девон, прищурившись, посмотрел ей вслед, ошеломленный и раздосадованный: никогда еще женщины не обращались с ним с таким пренебрежением. Он чувствовал, что вот-вот взорвется. Как она может винить его в этой ситуации, когда у него не было выбора?

— Чем я заслужил такое обращение? — спросил он возмущенно.

— Помимо твоих слов, что собираешься вышвырнуть ее отсюда и разнести по камешкам ее дом?

— Но я же извинился!

— А вот это зря: ты лишь подтвердил, что был не прав, и только усилил ее раздражение.

Девон с возмущением подумал, что этой женщине не мешало бы предложить ему помощь, а не сваливать на него всю вину, и решил, что не станет терпеть ее высокомерную враждебность, и не важно, что она вдова.

— Придется с ней поговорить, — заявил он мрачно.

Уэстон закинул ногу на диван, подложил под голову подушку, и буркнул:

— Разбуди, когда все закончится.

Девон решительно вышел из гостиной и направился вслед за вдовой. Он заметил ее в конце коридора. Она уносилась прочь, как пиратский корабль на всех парусах, так что платье и вуаль колыхались.

— Подождите! Я не имел в виду то, что сказал! — крикнул ей вслед Девон.

— Вы сказали именно то, что хотели! — Она остановилась и резко повернулась к нему лицом. — Вы намереваетесь разрушить поместье, ваше фамильное наследие, и все ради своих эгоистических целей.

Девон остановился перед ней, сжав кулаки, и холодно проговорил:

— Послушайте, самое большее, чем мне доводилось управлять, это кухарка, дворецкий и лошадь, а теперь я должен отвечать за крупное поместье с парой сотен арендаторов. Я бы сказал, это заслуживает некоторого уважения, даже сочувствия.

— Бедняжка, как, должно быть, утомительно думать о ком-то еще, кроме себя самого.

Выпустив эту последнюю стрелу, она попыталась уйти, однако не учла, что остановилась возле полукруглой ниши в стене, предназначенной для скульптуры или другого декоративного предмета на подставке, и Девон ее поймал: опершись ладонями на стену по обеим сторонам от ниши, преградил путь к бегству. Он слышал, как она тихо ахнула, и хотя ему было стыдно в этом признаться, испытал удовлетворение оттого, что ему удалось вывести ее из равновесия.

— Дайте мне пройти!

Он не двинулся с места, удерживая ее в плену.

— Сначала скажите, как вас зовут.

— Зачем? Я никогда не позволю вам обращаться ко мне по имени.

Девона разобрала досада, и, всмотревшись в ее закутанную в черное фигуру, он заявил:

— Вам не приходило в голову, что взаимная поддержка дала бы нам обоим больше, чем вражда?

— Милорд, я только что потеряла мужа и свой дом. Что же можете мне предложить вы?

— Возможно, вам следовало это выяснить до того, как делать меня своим врагом?

— Вы были моим врагом задолго до того, как переступили порог этого дома.

Девон поймал себя на мысли, что пытается разглядеть ее лицо сквозь вуаль, и раздраженно спросил:

— Вам обязательно носить на голове эту штуку? У меня такое ощущение, что я разговариваю с абажуром.

— Эту «штуку» как вы изволили выразиться, то есть траурную вуаль, в присутствии гостей носить обязательно.

— Я не гость, а родственник.

— Только через брак.

Разглядывая ее, Девон чувствовал, как злость понемногу отступает: такая она хрупкая, быстрая, как воробышек.

— Полно, не упрямитесь. Нет нужды носить при мне траурную вуаль, если только не собираетесь рыдать: в этом случае я бы сам попросил вас закрыться ею. Не выношу женских слез.

— Неужели вы так мягкосердечны? — саркастически поинтересовалась вдова.

Девона кольнуло болезненное воспоминание, которое он гнал от себя годами. Он попытался его стряхнуть, но память упорно возвращала ему картину, как он пятилетним мальчишкой сидит под закрытой дверью гардеробной матери и дрожит от страха из-за доносившихся оттуда рыданий. Он не знал, что ее так расстроило, но это наверняка было связано с неудачным романом, коих у нее было немало. Его мать была известной красавицей и зачастую всего за одну ночь могла влюбиться и разлюбить. Отец, измученный ее капризами и переменчивостью, редко бывал дома, к тому

же его терзали собственные демоны. Девон хорошо помнил удушающее чувство беспомощности, которое испытывал, когда слышал рыдания матери и не имел возможности до нее дотянуться. В конце концов, он довольствовался тем, что подсовывал под дверь носовые платки, умоляя мать открыть дверь и снова и снова спрашивая, что случилось.

— Дев, ты славный мальчик, — сказала тогда мать, судорожно всхлипывая. — Маленькие мальчики все такие. Но когда вырастаете, вы становитесь жестокими и эгоистичными, разбиваете женские сердца.

— Мамочка, я не буду! — воскликнул он в тревоге. — Обещаю, что никогда не буду разбивать сердца!

Было слышно, как она горько рассмеялась сквозь слезы, словно он сказал несусветную глупость.

— Еще как будешь, зайчик мой, даже если не захочешь.

Подобные сцены повторялись не раз, но отчетливее всего Девон почему-то помнил именно эту. Оказалось, что мать была права: он действительно разбивал сердца, — или, по крайней мере, его часто в этом обвиняли, хотя он всегда с самого начала ясно давал понять, что жениться не собирается. Даже если бы он влюбился по-настоящему, то все равно никогда не дал бы такого обещания. Какой смысл обещать, если любое обещание можно нарушить... Он испытал боль, которую могут причинить даже любящие люди, и не хотел никому причинять сам.

Его внимание вернулось к вдове, и он ответил:

— Нет, дело не в мягкосердечии: по моему мнению, слезы чаще всего манипуляция, но что еще хуже, от них женщина теряет всю свою привлекательность.

— Вы самый отвратительный из всех мужчин, что когда-нибудь попадались мне на пути! — заявила вдова.

Девона позабавило, как она это произнесла: каждое слово вылетало, как стрела из лука.

— И как много было таких мужчин?

— Достаточно, чтобы распознать вам подобных.

— Сомневаюсь, что вы можете что-то разглядеть через эту вашу вуаль. — Он протянул руку и подцепил пальцем край черной газовой ткани. — Не поверю, что вам нравится ее носить.

— Это не имеет значения.

— Вы ее носите, потому что она скрывает лицо, когда плачете? — Это был не столько вопрос, сколько предположение.

— Я никогда не плачу.

Девон опешил: он, что неправильно ее понял?

— Вы хотите сказать, что не плакали даже после трагического происшествия с вашим мужем?

— В том числе.

Каким характером надо обладать, чтобы признаться в таком, даже если это правда? Девон ухватил пальцами край вуали и закинул черный креп на маленькую шляпку, к которой он был пришит.

— Не отстраняйтесь, не надо. Мы с вами будем стоять лицом к лицу и разговаривать, как цивилизованные люди. Боже правый, такого количества ткани хватит на парус для корабля и...

Девон умолк, не договорив, когда увидел наконец ее лицо и обнаружил, что смотрит в глаза цвета янтаря, наружные уголки которых были чуть приподняты и придавали им сходство с кошачьими. На мгновение у него захватило дух, он потерял способность мыслить, а все его органы чувств сосредоточились на восприятии увиденного. Никогда еще он не видел ничего подобного. Она оказалась моложе, чем он ожидал, с невероятно светлой кожей и копной каштановых волос, явно слишком тяжелой для шпилек. Высокие, четко очерченные скулы и узкий подбородок придавали лицу форму изящного треугольника и тоже напоминали о кошке. Губы, яркие, сочные, притягивали взор даже сейчас, будучи плотно сжатыми. Ее нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле слова, но она была настолько уникальна, что вопрос о красоте становился излишним.

Траурное платье плотно облегло фигуру от шеи до бедер, а дальше превращалось в немыслимое количество складок, и о том, что скрывалось за всем этим чудом портновского искусства можно только гадать. Даже руки были скрыты черными перчатками, не считая лица, так что кожа видна была только на шее, над высоким воротом платья. Глядя как раз туда, Девон заметил, как она глотнула, и в этом движении было что-то уязвимое. Ямка на шее под подбородком, такое интимное местечко, к которому хотелось прижаться губами, казалась очень нежной. Воображение тут же разыгралось, и вот он уже представил, как, раздевая ее, словно замысловато упакованный подарок, целует ее, пока она не начнет извиваться, вздыхать и стонать. Будь на ее месте любая другая и при иных обстоятельствах, Девон соблазнил бы ее прямо здесь.

Вернув себя с небес на землю, он вдруг спохватился, что негоже таращить на нее глаза, как форель, выброшенная на берег, и стал лихорадочно искать в своем разгоряченном мозгу какие-нибудь подобающие случаю слова, пытался собрать спутавшиеся мысли в нечто связное. К его удивлению, молчание нарушила она:

— Меня зовут Кэтлин.

— Ирландское имя, но говорите вы совсем без акцента?

— В детстве меня отправили в Англию, и я жила в Лео-минстере у друзей нашей семьи.

— Почему?

Она нахмурила изогнутые брови.

— Мои родители больше занимались лошадьми, чем детьми, и проводили по несколько месяцев в году в Египте, где подбирали элитных лошадей для своей фермы. Я создавала... неудобства, а вот их друзья, лорд и леди Бервик, тоже разделявшие их увлечение, предложили отдать меня им, чтобы воспитывать вместе со своими двумя дочерьми.

— Ваши родители и сейчас живут в Ирландии?

— Мать умерла, а отец да, и сейчас там. — Ее взгляд стал отсутствующим: по-видимому, мысли унеслись куда-

то далеко, потом она добавила: — Асада я получила от него в качестве свадебного подарка.

— Асада? — не понял Девон.

Кэтлин подняла на него взгляд, почему-то виноватый, ее шею и лицо медленно залила краска. И тут Девон понял:

— Коня, который сбросил Тео.

— Да, но в том не было вины Асада: конь был совершенно не объезжен, так что отцу пришлось выкупить его обратно у человека, которому он его продал.

— Зачем же было дарить вам такого коня?

— Лорд Бервик часто разрешал мне помогать объезжать молодых жеребцов.

Девон демонстративно окинул взглядом ее хрупкую фигуру.

— Да вы же не больше воробышка!

— Наезднику не нужна грубая сила: арабские скакуны очень чувствительны; им достаточно понимания и мастерства.

Как раз этого у Тео не было. Каким же надо было быть идиотом, чтобы подвергать риску и себя, и ценное животное.

— Тео что, решил так развлечься? — не удержавшись, спросил Девон. — Или захотел продемонстрировать храбрость?

В ее глазах появился и быстро исчез проблеск какого-то сильного чувства.

— Когда он в гневе, его невозможно остановить.

Рейвенел как он есть. Если кто-нибудь хоть как-то пытался противоречить Тео или в чем-то ему отказать, это вызывало взрыв. Возможно, Кэтлин думала, что сможет с ним совладать или что время его смягчит, поскольку не могла знать, что гнев у кузена всегда перевешивал любое чувство самосохранения. Девону очень хотелось думать, что с ним все иначе, но увы: в прошлом он тоже бывал этому подвержен, и не раз. Случалось, его тоже охватывала кипящая, как раскаленная лава, всепоглощающая ярость. В такие моменты он чувствовал себя великолепно, а потом, когда приходило осознание, не хотелось жить.